

Современная проза

Анна
Николаенко

Заветное ЖЕЛАНИЕ

Рассказы

Анна Витальевна Николаенко

Заветное желание

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54612459

Заветное желание: Сретенский монастырь; Москва; 2016

ISBN 978-5-7533-1264-8

Аннотация

Анна Николаенко проживает в Днепропетровской области (Украина). Магистр истории. Пишет стихи и прозу. Автор сайта «Православие в деталях». Герои ее рассказов – обычные люди разных возрастов и профессий, неизменно убежденные в правильности своего образа жизни, своих принципов и стремлений. Неожиданные обстоятельства заставляют их страдать в поисках выхода из сложившейся ситуации. Зачастую выход находится совсем рядом, но чтобы увидеть его, необходимо взглянуть на происходящее через призму иных ценностей. Некоторые рассказы основаны на реальных событиях, написаны по мотивам христианских притч.

Содержание

Бриллиантовая капелька	5
Заветное желание	17
Воскресение	25
Сон	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Николаенко

Заветное желание

© Николаенко А.В., 2016

© Сретенский монастырь, 2016

Бриллиантовая капелька

По мотивам притчи

Немолодой надменный мужчина с легкой сединой на висках, которая резко контрастировала со строгим черным костюмом, спускался по ступенькам магазина. Так выглядел в тот вечер заведующий хирургическим отделением второй городской больницы Аркадий Иванович Горский. Над порогом сверкала заманчивая надпись «Перстни Клеопатры», бросая в сумрак вечернего города вспышки неоновомго света. Кусты весенних гортензий склонялись к тротуару, вплетая в серебристые лучи мягкие фиолетовые и бледно-розовые краски.

Мужчина подошел к своему «Ауди», но, сев за руль, не спешил заводить мотор – сначала открыл небольшой овальный футляр, обтянутый синим бархатом. Сказочное сияние

на мгновение ослепило – на темном фоне радужно мерцала маленькая бриллиантовая капелька, прикрепленная к не менее яркой цепочке из белого золота. Владелец довольно заулыбался, любуясь украшением, – изысканная вещь, ничего не скажешь. Нет, это не сюрприз жене. Он уже давно забыл вкус того удивительного ощущения, когда был способен на все ради ласкового взгляда своей хрупкой Тамилы. Тая сейчас такая же пожилая и грузная, как и он сам, и так же охладела к их отношениям, которые в последнее время стали больше напоминать дружбу, чем любовь.

У жены тоже высшее медицинское образование, но она почему-то работает обычным фармацевтом, отказавшись от более перспективных вакансий, а после работы встречает мужа свежим супом и румяными блинчиками. Аркадий хорошо обеспечивает семью, поэтому, в принципе, смотрит сквозь пальцы на ее причуды.

Горский не дарит таких цепочек и любовницам, просто потому, что, нужно отдать ему должное, у него их никогда не было. Сложная, ответственная работа требовала времени, внимания и профессионализма, а краткие часы отдыха врач неизменно проводил в кругу семьи. Единственный человек, который наполняет его душу настоящей любовью, нежностью и заботой, – это юная дочка-красавица, любимица Катюша. Именно для ее белоснежной шейки предназначался этот роскошный кулон. К тому же вчера Катюша, собираясь на очередную вечеринку, пошутила, что к ее новому

шелковому платью не хватает лишь бриллиантового ожерелья. И вот пожалуйста, папа-волшебник решит любые проблемы. Да, Аркадий Иванович ни в чем не отказывает дочери. Его не останавливает то, что, казалось бы, медицина никогда не обещала своим служителям высоких доходов: в последнее время хирург провел несколько сложных операций, и родственники пациентов значительно пополнили содержимое его бумажника. Но средства на такое украшение Аркадий Иванович собирал далеко не один год, планируя сделать сюрприз к совершеннолетию дочери. Наконец наступил этот долгожданный день.

Пускай кое-кто из коллег посматривал на него искоса, а жена зачастую читала нотации на тему честности и добропорядочности, врач никогда не считал свои поступки преступными. Разве его нервный, изнурительный труд достоин только тех копеек, которые платит за него государство? Нет ничего плохого в том, что родные пациентов исправляют эту несправедливость. Ведь они желают здоровья своим близким точно так же, как и он желает благополучия своему единственному ребенку.

Машина повернула к новостройке, утопающей в душистой зелени цветущих деревьев. Жаль только, что холодный блеск фонарей мешал далеким созвездиям склониться над весенним городом.

Через несколько минут заботливый отец очутился в крепких объятиях своей Катеньки:

– Папочка, это невероятно!!! Ты у меня необыкновенный! Я такой красоты еще никогда не видела!

Она подбежала к огромному зеркалу, которое стояло в прихожей, и начала примерять подарок. Отец осторожно соединил цепочку, сомкнув крошечный замочек. Отражение в зеркале было чарующим: широко открытые темные Катины глаза сияли искренним восхищением, на губах горела радостная улыбка. По плечам рассыпались длинные, старательно завитые белые локоны, а тонкая девичья фигурка была окутана коротеньким сарафаном. И в довершение на груди сияла прозрачная как слеза радужная капелька.

– Моя ты радость, капелька ты моя драгоценная, – прошептал тронутый отец, нежно касаясь щеки дочери.

Он гордо ввел ее в празднично украшенную гостиную под бурные аплодисменты гостей. Присутствующие были изумлены таким невиданным подарком. И только жена, которая выглядела сегодня на удивление привлекательно в бордовом вечернем платье, бросила недовольный взгляд: мол, опять балуешь ребенка, и когда же ты наконец прекратишь носить домой взятки! Она почему-то суеверно считала, что вещи, приобретенные Аркадием за «вознаграждения», не доведут их семью до добра. «Но если прислушиваться к женщинам, то вообще ничего хорошего в жизни не увидишь», – частенько звучало в их доме. Потому и сейчас хозяин торжественно и невозмутимо наполнил хрустальный бокал искрящимся золотистым вином и высоко поднял его перед гостями.

– Пусть отцовский подарок будет оберегом для моей доченьки и приносит ей удачу в любой ситуации, – провозгласил он, красноречиво взглянув на Тамилу. – Ведь дети, которые выросли в ласке и родительской любви, всегда становятся успешными и счастливыми. За Катюшу! – громко завершил Аркадий, приближая к губам бокал.

«За Катеньку!», «Будь счастлива, дорогая!» – зазвучало в комнате в сопровождении перезвона хрусталя. Праздник набирал обороты.

* * *

Мутная серая завеса за окном постепенно становилась чище. У Аркадия мучительно болела голова, напоминая о вчерашнем застолье. Но куда денешься – будильник уже в который раз пронзительно наигрывает сороковую сонату Моцарта.

На часах без десяти восемь – о, почему же оно так быстро уплывает, сладкое предрассветное время! Жена уже убежала в свою аптеку, чмокнув его, полусонного, в щеку и что-то сказав. Только что? И она действительно думает, что можно разобрать эту ее утреннюю скороговорку!

Аркадий поспешил в ванную, с наслаждением погрузился в холодную воду, старательно привел себя в порядок.

– Катюша, собирайся быстрее, отвезу тебя в институт, – позвал он, заглядывая в дочкину комнату.

Девушка была уже готова: темный костюм в мелкую серебристую клеточку, высокие каблуки, льняные волосы, собранные тонкими шпильками с искусственными черными камушками на кончиках, – она как всегда была одета изысканно. Оставался последний штрих: модница как раз пыталась застегнуть свою новую цепочку.

– Ты решила похвастаться обновкой? – Горский снисходительно улыбнулся. – Не слишком ли это шикарное украшение для учебных будней?

– Нет, пап, – кротко взглянула на него девушка. – Я теперь часто буду его носить. Эта капелька напоминает мне о тебе.

– Спасибо, солнышко мое! Ну, пошли, пошли уже, иначе рискуем сильно опоздать, – прибавил он неразборчиво, неожиданно смутившись от трогательных слов дочери.

Катюша удобно устроилась сзади, положила на кожаное сиденье небольшую элегантную сумочку.

– Пап, – начала она издаലെка, – мне нужно с тобой посоветоваться.

– По поводу чего? – Аркадий удивленно оглянулся. – Что-то случилось? – спросил с тревогой.

– Нет. Хотя можно сказать и так. Мне очень нравится один парень... – зардевшись, продолжила дочка.

– Неужели? И кто же этот герой? – отец весело засмеялся в ответ.

– Я не шучу, – серьезно сказала девушка, опуская глаза. – Я даже с мамой об этом не говорила. Ростислав учится на

третьем курсе. Мы познакомились на подготовке концерта для студесны – пели песню в дуэте. Сначала он чуть ли не каждый день звонил мне, приглашал на дискотеки. Мне было чрезвычайно интересно и в то же время как-то тепло и уютно рядом с ним. Но недавно был такой неприятный разговор!

Аркадий наблюдал в зеркальце непривычно огорченное, встревоженное лицо дочери.

– Ну что он мог сказать такой прекрасной девушке, как ты? Неужели оскорбил тебя?! – с возмущением вырвалось у него.

– Нет, совсем нет, что ты. Просто он сознался – мои подружки рассказали ему, что я из богатой семьи. А Ростик поступил в университет по льготам, так как мама воспитывала его одна. Он сказал, что не сможет в будущем обеспечивать такую жену, как я, поэтому и встречаться не стоит.

– И что же ты ответила на это?

– Я, представь себе, призналась ему в любви! А он хладнокровно заявил, что мое чувство – лишь полудетское увлечение и скоро пройдет. А затем порывисто обернулся и ушел, не оглядываясь. Папа, что мне теперь делать? – на ее длинных ресницах заблестели слезы.

– Надо же, какой принципиальный! Ну что ты, доченька, не переживай, не плачь, – ласково, совсем как в детстве, начал успокаивать Катю отец, – не стоит этот грубиян твоих слез. И еще подумай, – продолжил осторожно, – а возможно, парень действительно прав. Ведь ты привыкла жить

в достойных условиях, и я бы не хотел, чтобы ты когда-либо узнала, что такое лишения.

– Что ты говоришь, папа! Ты вообще меня не понимаешь! – Катя вытерла слезы и порывисто отвернулась к окну. Не слушая оправданий отца, она молча наблюдала за нарядами утренними кварталами, которые быстро мелькали за стеклами автомобиля. Но казалось, девушка не замечала ни старых лип, ни густых кустов сирени. Ее взгляд наполнился непроницаемой грустью.

«Ой, как непросто найти общий язык с современной молодежью! Наверное, постарел я, выпустил из рук молниеносную нить бегущего времени. Даже с собственной дочкой не в состоянии нормально поговорить», – с горечью подумал Аркадий, крепче сжимая руль.

– Доченька, в больнице на сегодня запланировано несколько операций, я не смогу заехать за тобой после занятий. Не нужно стоять на остановках, лучше вызови такси, хорошо?

Девушка молчала.

Машина притормозила возле Института экономики и права: Екатерина Горская – студентка-первокурсница факультета международных отношений. На прощание Катюша извинилась и поцеловала отца, но у него на душе все равно оставалось какое-то неприятное ощущение. Прежде чем нажать на газ, Аркадий проводил ее глазами. «Вот какую красавицу вырастил! – рассуждал он, любуясь дочкой. – Только бы

она не натворила глупостей, выйдя замуж за какого-нибудь чудаковатого Ростика. Она же еще совсем юная, неопытная, вся жизнь впереди. Будем надеяться, что у молоденьких девушек быстро меняются увлечения».

Горский отправился на работу в не особо хорошем настроении.

* * *

День оказался действительно тяжелым, к тому же молоденькая практикантка Зиночка постоянно раздражала своей нерасторопностью и растерянностью. В конце концов удалось помыть руки, снять испачканный халат и покинуть операционную. Удобное кресло, стакан горячего чая. Нужно хоть немножко прийти в себя.

Внезапно дверь резко распахнулась и в кабинет вбежала Зиночка. Вид у нее был несколько странный – дрожащие колени, расширенные от страха глаза. Следом за ней ворвался какой-то крепкий светловолосый парень, неразборчиво выкрикивая:

– Помогите ей! Спасите ее! Я не хотел, я случайно, слышите, это получилось случайно! Я не стал дожидаться милиции и скорой, сам привез ее в больницу. Я не хочу без нее жить!

– Объясните, пожалуйста, толком, что произошло, – недовольно перебил врач.

Вместо него ответила Зина:

– Привезли пациентку после аварии, травмирована брюшная полость, видимо, большая кровопотеря. Бегите к ней скорее, умоляю вас!

– Подождите, – хирург предупреждающим движением остановил медсестру. – Прекратите панику. Идите-ка лучше наложите повязку, чем так причитать, – он медленно сжал виски, размял затекшие от усталости пальцы. – А вы, молодой человек, подойдите ближе, – обратился врач к посетителю после выхода ассистентки. – Вот, держите, – сказал, протянув небольшую бумажку с крупно написанными цифрами.

– Что это? – спросил взволнованный юноша.

– Сумма, которую вы должны немедленно принести, – объяснил равнодушно. – Сами понимаете, бесплатных операций в наше время просто не существует.

Парень на мгновение оробел, а затем опять начал приговаривать:

– Я принесу! Все принесу, только спасите ее!

– Хорошо, хорошо, идите уже, – врач почти силой вытолкнул его за дверь.

Кроме гулких шагов, из коридора еще некоторое время доносилось:

– Я очень любил ее! А позавчера обидел, сам не знаю за что. После учебы, по вечерам, подрабатываю таксистом, и сегодня от неожиданности потерял управление, когда увидел свою любимую, такую красивую, но отчего-то нахмуренную,

на переходе. О, если бы она выжила! Я бы отдал за нее жизнь!

И зачем Зина выслушивает восклицания этого перепуганного мальчишки? Для него, врача с многолетним стажем, подобные истерики в больнице давно уже стали привычными. Они лишь негативно повлияют на Зинино и без того шаткое, а ведь такое необходимое для медика хладнокровие.

Хирург не торопился осматривать пациентку. Ничего страшного за полчаса не случится. Зинуля как всегда преувеличивает. А вот когда горе-водитель принесет деньги – тогда другое дело. Аркадий представил, как он зайдет в супермаркет, а затем и в цветочный магазин: «Нужно купить Катюшке какую-нибудь красивую безделушку вроде серебряных сережек или колечка. А также свежих сладостей – она же у меня такая любительница всевозможных тортов и пирожных! И еще огромный букет тюльпанов. Моя дорогая крошка должна развеселиться и забыть обо всех своих неурядицах. Я просто не могу видеть ее расстроенной. Разве родительская любовь и внимание – не лучшие лекарства даже для разбитых сердец? На все это опять же нужны средства – следовательно, это неплохо, что намечается сверхплановая операция».

Наконец снова прозвучал жалобный звон порывисто открытой двери и на столе зашелестела стопка новеньких купюр.

– Это все что есть, смилуйтесь, – уже не кричал, а еле слышно шептал отчаявшийся парень.

Врач предусмотрительно пересчитал деньги и только тогда, не особенно спеша, направился в приемный покой. Юноша нервно бежал впереди. «Держись, держись, любимая!» – постоянно повторял он, крепко сжимая кулаки.

Хирург переступил порог палаты, бросил взгляд на каталку. В этот миг рука девушки безвольно повисла в воздухе. Аркадий подошел ближе – вдруг на ее груди что-то блеснуло разноцветным сиянием. Капелька! Это была бриллиантовая капелька. У врача перехватило дыхание, он с ужасом убирал запутанные волосы со знакомого лица, схватил за руку, чтобы проверить пульс. Пульса не было. Катя не дышала. За долю секунды в голове промелькнуло все: и долгая беззаботная семейная жизнь, и счастливые дни, проведенные вместе с дочерью, и те грязные деньги, которые он чуть ли не ежедневно приносил из больницы, чтобы она росла в достатке. И еще предостережения жены. Вдруг представилось окаменевшее от ужаса лицо Тамилы. Он бессознательно взглянул на медсестру, на Ростислава (перед ним был Катин парень), который еще не понимал, что время, необходимое для спасения, утрачено. Потом сделал несколько шагов назад, неуклюже ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. Аркадий больше ничего не видел вокруг себя и не слышал, кроме тяжелых ударов собственного сердца.

Заветное желание

По мотивам притчи

Осеннее солнце было ласковым и теплым. Сверкающие лучи местами пронизывали небо и щедро разливали золото по школьному двору. Пестрая гурьба отозвалась на звонок шумом и смехом, быстро заполнив широкие аллеи, будто и не замечая столпившихся на обочинах старых каштанов и рябин – молчаливых свидетелей их безудержного веселья.

Слепящий свет на мгновение ворвался в окна учительской и снова погас в холодной синеве. Марина Петровна спешно закрыла окно.

«Опять шумят. В висках пульсирует боль. И лекарства больше не помогают. Уже около пяти, а я еще должна остаться с группой продленного дня. Должна, потому что так хочется, чтобы у моей Снежанки было по-настоящему счаст-

ливое детство. Как хорошо, что я работаю в элитной гимназии и каждый день вижу, как мой крошечный ангелочек, улыбаясь, заходит в просторный класс, залитый утренним сиянием. Ее глаза – карие, блестящие, выразительные, точь-в-точь как у меня! Хотя нет, у меня сейчас угасший взгляд», – с горечью подумала Марина, заглянув в зеркало. Густыми оставались светлые волосы – тугие завитки упорно пытаются высвободиться из-под широкой заколки. Хотя фигура была все еще стройной, но лица почему-то коснулся какой-то сероватый цвет. И даже косметика не в силах его изменить.

«Нужно немедленно забыть об усталости. Что такое усталость по сравнению с благополучием нашей доченьки? Мы с мужем действительно хорошие родители, с гордостью могу осознать это. Наша малышка получает пускай дорогое, но качественное образование в гимназии, не уступает своим ровесникам ни в вещах, ни в одежде. А достигается это ой как непросто, ведь все ее одноклассники – дети из состоятельных семей».

Молодая женщина наполнила чашку ароматным кофе, присела в мягкое кресло, взглянула на часы.

«Десять минут до конца перемены. Еще есть немного времени. Почему-то вспомнилось далекое детство. Густой запах парного молока, золотистая корочка хлеба. Потом гладкое покрывало деревенского озера, замершее в обрамлении диких зарослей бузины, черемухи, белоголовника. Мы безжа-

лостно срывали весенние соцветия и с веселым визгом бросали их в воду, но небесная лазурь в круглом зеркале оставалась нетронутой, только легкая волна время от времени покачивала цветок.

Бабушка с глиняным кувшином стоит на пороге и смотрит, слегка прищуривая свои выцветшие светло-голубые глаза, как я бегу ей навстречу. В растрепанных косичках запутались белые лепестки, из кармана коротенького платица сыплются горсти синих ягод и утопают в дорожной пыли. Нет, теперь уже не вспомню их названия.

Вот мозолистая бабушкина ладонь ласково касается моей головки, вытирает испачканные щечки. Как это было давно! Наступило другое время, время новых развлечений и новых потребностей, стало намного труднее подарить ребенку радость».

Резкая мелодия мобильного прервала тишину, отвлекая Марину от сладких воспоминаний. На экране замигала надпись «Олег» – звонит муж. «И что ему могло понадобиться в такое время? Он же сейчас должен быть в офисе, составлять срочные контракты для шефа».

– Да, дорогой, – голос звучит устало, почти безразлично.

– Мариночка, я сегодня не смогу заплатить Снежаниному репетитору по музыке, договорись с ним, чтобы возобновил занятия чуть позже, – взволнованно звучит из динамика.

– Что значит «не смогу»? – неудовольствие в голосе возрастает.

– Меня лишили премии из-за ошибки в договоре. Пони-
маешь, директор еще с утра был явно не в настроении. Но
ты не расстраивайся, ведь скоро же будет зарплата.

Жена помрачнела, на лице мелькнуло сильное раздраже-
ние.

– Я, женщина, работаю с утра до ночи, а ты обычный доку-
мент нормально составить не в состоянии! Это же твоя про-
фессия! Снежанке через месяц нужно ехать на конкурс, а ты
так спокойно говоришь, что она останется без репетитора!
А еще начинаешь разговоры о втором ребенке. Ты вот од-
ного обеспечить не можешь! Да что уж теперь поделаешь, –
прибавила тише, с грустью. – Все ясно, до встречи дома. –
И не слушая сбивчивых оправданий мужа, Марина повесила
трубку.

«Эх, Олег, Олег. Твои звонки давно уже не вызывают
у меня усиленного сердцебиения. А когда-то, в беззабот-
ные студенческие времена, я сломя голову выбегала посреди
лекции, не обращая внимания на возмущения профессора,
лишь увидев тебя через окно. Ты ждал меня возле универ-
ситета: высокий, улыбающийся, невероятно красивый, слов-
но герой любимого романа. Я так любила роскошные охапки
благоухающих роз. Их аромат был пьянящим, а твои объя-
тия легкими и нежными, словно теплые прикосновения ба-
бьего лета. Мы шли по узкому тротуару, а солнце прорыва-
лось сквозь густые березовые ветви как будто для того, что-
бы тоже заглянуть в мои влюбленные, хмельные от счастья

глаза».

Звонок. Детские голоса раздаются уже где-то совсем рядом, в коридоре. «Пойду воспитывать детей, ведь это, в конце концов, не только работа, но и благородное дело. И сейчас среди них я увижу свою милую крошку. Вот только чем их занять? Затеять какие-то игры уже просто нет сил. Точно! Пускай пишут сочинение. Тема? “Заветное желание”. Эта идея должна понравиться детям».

Учительница легким движением поправила прическу и быстро открыла дверь кабинета.

Вечером стал накрапывать дождик. Порывистый ветер насмешливо раскачивал рябины, срывал спелые каштаны и беспорядочно разбрасывал их по мокрой траве.

Снежанка бежала по тротуару, то и дело обгоняя маму, размахивая своим разноцветным зонтиком и щебеча, будто потерявшаяся в ветвях ласточка, которая почему-то не спешит в теплые края.

Девочка первой оказалась в прихожей, и пока Марина снимала свой насквозь промокший плащ, ее звонкий голосок уже слышался из зала, где она настойчиво пыталась отвлечь папу от кружки пива и очередного футбольного матча. На огромном экране происходило что-то особенно интересное, потому что Олег на все дочкины вопросы ответил громким: «Гол! Супер! Ну-ну, давайте, покажите им, как нужно играть!»

– Снежана, – позвала мать из кухни, – оставь папу в покое!

Иди-ка переодевайся и садись ужинать скорее!

«Ох, как же нелегко унять ребенка, да еще после такого изнурительного рабочего дня!» – подумала она.

Дочка, отчаявшись в конце концов привлечь папино внимание, прислушалась к ее призывам, и Марина, поужинав на скорую руку, села проверять тетради. Напрасный труд, но ведь дети завтра будут требовать оценки за свои произведения. Крупные буквы, написанные неуверенной детской рукой, мерцали перед глазами, становились почти неразличимыми в ярком электрическом свете. Страница за страницей, тетрадь за тетрадью...

Вдруг тонкие Маринины брови неожиданно взлетели вверх, выражение лица стало удивленным и отчасти растерянным.

– Олежка! Олег! – громко позвала она.

Но не так-то просто было завладеть вниманием мужа. Когда наконец он вошел в комнату, Марина попросила его плотно закрыть дверь, чтобы разговор не услышала дочка, которая в соседней комнате листала свои электронные учебники на новеньком ноутбуке.

– Послушай, пожалуйста, одно сочинение, я тебя очень прошу, – сказала жена, открывая тоненькую тетрадь с веселым Микки-Маусом на обложке.

«Мое заветное желание – стать новым плазменным телевизором. Только представьте: папочка каждый вечер будет

внимательно слушать мои школьные новости и восхищаться моими успехами. О, он никогда не будет меня перебивать, и тогда сколько всего я успею ему рассказать! Я ведь сегодня быстрее всех бегала на физкультуре и единственная в классе правильно решила сложную, ну просто очень сложную задачу по математике.

Еще бы я хотела чаще играть во дворе с Сонечкой и Машенькой, у них есть такие чудесные скакалки, а еще они умеют рисовать классики. Но приходится после уроков сидеть в школе с Игорем, Вероникой и Каринкой, которые постоянно хвастаются своими наушниками и смартфонами.

Кроме этого, я мечтаю, чтобы папа научил меня ездить на велосипеде. Но мама говорит, что это все глупости и что нам нужно покупать не велосипед, а машину.

Если бы я была телевизором, мамочка каждый вечер смотрела бы на меня и смеялась или грустила вместе со мной, а не с какой-то Анжеликой из бесконечного сериала. На уроках мама говорит, что нужно всех-всех людей любить. А я вот никак не могу полюбить эту настырную Анжелику.

Еще я мечтаю, чтобы папа снова дарил маме цветы. Как и тогда, когда я еще ходила в садик. Они были такого прекрасного золотистого цвета, цвета маминых волос. О, какие же они были красивые! Мама ставила букет в большую хрустальную вазу, а потом весь день улыбалась и напевала какую-то прекрасную мелодию. И папочка так часто брал меня на руки.

Теперь напишу о том, чего я не хочу. Я совсем не хочу быть певицей. Лучше стать врачом или, может быть, спортсменкой. Но мама обязательно рассердится, когда узнает об этом.

Я уже взрослая девочка и знаю, что мои мечты никогда не исполнятся, что человек не может превратиться в плазменный телевизор даже на несколько минут. Ведь чудеса бывают только в сказках, как недавно говорила мама».

– Ничего себе! Бедный ребенок! – с негодованием воскликнул муж, дослушав до конца. – Неужели бывают такие родители!

– Знаешь, Олежка, это сочинение написала наша Снежана.

В комнате повисла тишина.

Воскресение

По мотивам реальных событий

В душе у Алексея жила тайна. Многие говорили о ней, посмеиваясь, но он сам никак не мог разгадать ее сути. Он просто чувствовал ее. Странную и изменчивую, как сама жизнь. Жизнь никогда не угасает. Как и тайна. Сначала она была наивной и действительно немного смешной, как девчушка с тонкими косичками: пахла ванильным мороженым и постоянно пачкалась чернильной шелковицей. Только не была вредной, как первоклассница Настя Азарина. «Лешка-Алешка – рыжая кошка!» – заливалась она, глядя на переминающегося с ноги на ногу худощавого Белова с кудрями цвета солнца и веснушками, щедро рассыпанными по щекам. А он хмуро молчал. И это веселило проказницу еще больше – ведь обычно Алешка был настоящим задирой и ни-

когда не пропускал мимо ушей обидных слов. Но бросить что-то грубое в ответ, а то и дернуть за коротенькую косичку мешала тайна. Он знал это точно, но все еще не догадывался, что тайна скрыта не в этой белобрысой и кареглазой Насте, а в нем самом.

Затем Анастасия расплела свои косички, стала подкрашивать ресницы и бесконечно менять наряды. А вот к Леше она не переменялась – все те же едкие шутки сыпались ему вслед. Глупой девчонке даже в голову не приходило, что многие подружки втайне завидовали ей, ведь Алексей превратился в высокого, симпатичного, талантливого парня, который серьезно увлекался живописью. Жаль только, что рисовал он в основном Настю.

Вот и теперь перед Лешей стоял портрет, написанный маслом на упруго натянутом полотне. Сейчас он поразительно напоминал о заветной тайне: разливал запах красок и обжигающий жар летнего полудня, накрывшего усталое море. Да еще отдавал солью. Морской солью. А может быть, горечью придорожной пыли? Кто знает. Девушка скромно опустила глаза, и густые ресницы, словно изогнутые стрелы, выделились на слегка розоватом, как свежее яблоко, лице. Голова склонена, длинные волосы сыплются на правое плечо.

Зря знакомые твердят, что девушка на портрете – точь-в-точь Анастасия Азарина. Это неправда. На портрете Мечта. Настя выглядит совсем по-другому: ее лицо все больше приобретает насмешливое выражение. Губы ярко накраше-

ны, глаза подведены, контактные линзы придают им неприродный цвет. И короткая стрижка, и вечерний макияж вполне подходят к ее алому платью. Она сидит на открытой веранде в кафе на набережной. Наверное, эта девушка кажется просто великолепной обнимающему ее представителю шатену в белоснежной футболке. Только она совсем не похожа на Мечту. Во всяком случае, не на мечту Алексея. Он стоял в отдалении за мраморной колонной и окидывал тоскующим взглядом пеструю компанию, окружавшую Азарину. Но видел он лишь ее – загадочную, нежную и женственную, ведь именно так преломляло ее черты волшебное зеркало холста. Почему так? Художник не знал. Знала только живущая в нем тайна.

Молодежь становилась все веселей. Очередной бокал красного вина, вероятно, был лишним – Анастасия не спешила его осушить. Поднявшись, она сделала несколько шагов по выложенной цветной плиткой площадке.

– Давай за то, чтобы мы всегда были вместе! – кивнула она своему спутнику.

Длинные пальцы пытались обхватить колонну. Пошатнувшись, Настя увидела Алексея – отступать было поздно.

– А-а, влюбленный! Алеша! – с прежней издевкой произнесла бывшая одноклассница, громко расхохотавшись. – Да когда ж ты перестанешь ходить за мной, убогий? Видишь, я уже счастливая! Счастливая! – кричала она все громче, привлекая удивленные и осуждающие взгляды. – Не правда ли,

Костенька? – обратилась к спешащему навстречу парню.

– Конечно! – Константин, ее жених (весь маленький приморский городок знал, что у них скоро свадьба), подхватил девушку на руки.

Анастасия не врала: она действительно была счастливой. Ее отец, местный олигарх, растил дочь, как цветок в оранжерее. Даже мачеха, женщина интеллигентная и покладистая, неплохо ладила с падчерицей. А о личной жизни и говорить нечего – ее бурный роман с молодым адвокатом Константином Сенцовым с самого начала был достоянием общности – хвастливая девушка ничего не скрывала. Как же тут не цвести природной роскоши при такой солнечной погоде? Не одна ромашка заглядывалась на нее с затаенным неудовольствием. Но какое ей дело до ромашек? Она любила герберы. Едко-оранжевые, они и сейчас возвышались посреди столика в высокой хрустальной вазе, пленяя мир гордой красотой.

Костя пытался унести прочь, унять свою подвыпившую невесту, но не тут-то было. Оглянувшись, она заметила Алешин мольберт.

– Смотри-ка, снова свои картинки малюет!

Прямо в лицо эфемерной красавице полетел хрустальный бокал и с жалобным звоном осыпался на пол. По изящным чертам потекли темно-красные струи. Леша инстинктивно бросился вытирать их, но становилось только хуже: и чистые участки холста, и ладони быстро покрывали бордовые пятна.

Хулиганка явно не желала останавливаться. Под всеобщие увещевания и бесполезные попытки преградить путь она уселась за руль припаркованного у кафе автомобиля и, бросив из окна не особо благозвучную фразу, резко нажала на газ. Алексей, содрогнувшись, посмотрел ей вслед.

А затем все было безобразно, как в социальной рекламе. Дым, обломки автомобиля, сирена скорой помощи... Пока искалеченную девушку укладывали на носилки, врач поспешно набирал номер ее отца.

Игорь Львович курил на балконе, рассеянно выслушивая беспокойные замечания жены: она, мол, давно видит, что их доходы стремительно уменьшаются, а конкуренты продолжают активную застройку набережной.

– Да успокойся ты, все нормально, – недовольно отмахнулся муж.

Даже дома от этого бизнеса никакого покоя нет.

– Слушаю, – нехотя достал мобильный. – Что еще надо?

Внезапно его лицо стало белым, глаза широко раскрылись, рот судорожно хватал воздух.

– Игорь, Игоречек, что с тобой? – бросилась к нему Тамара.

Тело безвольно обмякло на ее руках. Только высокие винтовые перила стали преградой между ними и головокружительной пропастью. Тома слышала все будто через плотный заслон ваты. Всполошенные соседи поспешили на ее страшный крик.

– Обширный инфаркт, – привычно сказал вошедший через какое-то время врач. – Что же он так сердце не бережет-то?

Молодому специалисту было невдомек, что сердце бережет вовсе не его владелец, а люди, живущие в этом сердце.

Настя не смогла проститься с отцом – она все еще оставалась в реанимации. У кушетки, опустив голову на руки, дремала осунувшаяся, утомленная женщина лет сорока пяти. Черное кружево косынки резко оттеняло глубокие борозды морщин и седину в отросших темных волосах. Тамаре пришлось расстаться с остатками убыточного бизнеса, чтобы оплатить борьбу за жизнь падчерицы. Тому разбудил неприятный звук открывающейся двери. Вошедший врач присел рядом.

– Как вы, Тамара Александровна? Честно сказать, выглядите очень измученной. Вас некому заменить?

– Кроме пожилых родителей, у меня никого нет.

– А тот парень, который каждый день пытается прорваться в палату? Небось, и сейчас сидит под окнами – представляете, он и ночует здесь. Охранник никак не может с ним справиться. Кто это?

– Так, знакомый. Не нашего круга человек. Не пускайте его и впредь, Настя бы точно не захотела его видеть.

Женщина говорила вяло, почти не поднимая век. Ею овладело какое-то тупое безразличие. Вспомнился тот, кого Анастасия действительно ждала. Наверное, о нем подумала и

больная – ресницы дрогнули, все тело свела резкая судорога.
– Тихо, тихо! – врач позвал медсестру, назвал какой-то препарат. – В капельницу, скорей.

Тамара не реагировала на происходящее. Она продолжала думать о Косте – женихе Насти. Первые недели он постоянно дежурил возле нее, его приход всегда опережал цветочный запах свежих гербер, разливающийся в коридоре. Парень очень надеялся, что его Настюша скоро проснется и увидит их. Он почти не выходил из палаты, проводил целые ночи, склонившись у постели, и вздрагивал от каждого движения ее тонких, прорисованных бровей.

Сентиментальные медсестры украдкой утирали слезы, наблюдая за ним, и с нетерпением ждали хэппи-энда, как в любимом сериале.

Но долгожданный день оказался совсем не похожим на кино. Воспаленный взор жениха встретился с мутным взглядом больной. Он был настолько неосмысленным, что Костя даже отпрянул. Рассеченная губа едва шевелилась. Видимо, она хотела что-то сказать и не могла. Испуганный Константин позвал медиков. А затем за плотно закрытыми дверями кабинета они объявили ему и бледнеющей мачехе – движение и речь, скорей всего, не восстановятся. Костя молча вернулся в палату. Он провел несколько суток, отказываясь от еды, лишь время от времени, как безумный, целовал ее худые руки. А когда Тамара Александровна пришла сменить его, произнес твердо, отчеканивая каждое слово:

– Вы же видите, ничего изменить нельзя. Это не жизнь – одно мучение. Моей Насти больше нет. В последнее время я совсем забросил свои дела, мне уже просто не на что жить. Я вынужден уйти, поймите. Иначе будет не одна, а две поломанных судьбы. И вам советую перестать оплачивать поддерживающую терапию. Для нее так будет лучше.

Он вышел быстро, не оглядываясь. А Тамара Александровна закричала что-то горькое вслед. Его поступок ужаснул ее, совет прозвучал чудовищно. А теперь такие же мысли вертелись и у нее в голове.

– Почему вы молчите? – прервал ее раздумья врач.

– Вы что-то спросили?

– Да вот, обрисовываю вам ситуацию. Азарину пора выписывать – мы сделали все что могли. Кроме инвалидной коляски, ей нужен аппарат для ежедневного очищения легких. Стоит он, конечно, недешево. Как будете решать этот вопрос?

Тамара забыла, что Настя хоть и не говорит, но все понимает. Она выразительно посмотрела на собеседника.

– Доктор, я подпишу любые бумаги. Продлевать ее растительное существование просто бессмысленно. Я согласна на отключение аппаратуры.

– Она проживет не более суток...

– Для нее так будет лучше, – сама того не замечая, мачеха слово в слово повторила фразу несостоявшегося зятя.

Медик ничуть не удивился – ответ был вполне предска-

ем. Подписав все необходимые документы, он учтиво проводил Тамару Александровну до выхода.

Алексей сразу заметил, что Тамара Александровна, вся в черном, быстрым шагом пересекает больничный двор. Невыспавшийся, в испачканных джинсах и измятой футболке, парень выглядел не лучшим образом. Но он даже не подумал об этом – снова бросился в пропахший лекарствами высокий холл элитной клиники. В этот раз его никто не останавливал. Тайна дышала в нем громко как никогда. В ней больше не было никаких запахов и звуков, только горячее дыхание. И как ни странно, она обрела цвет. Цвет увядших на прикроватной тумбочке опадающих, как осенние листья, гербер. В палате никого не было. Больная исступленно билась на кушетке, пытаясь вырваться из паутины капельниц. Задышающийся от быстрого бега, Леша отчаянно обхватил ее руками и, сжимая в объятиях, скороговоркой стал произносить какие-то странные слова: «Ты – прекрасное творение, величественная Галатея, ты не можешь умереть, потому что искусство не умирает, оно всегда возрождается из пепла человеческой глупости и равнодушия». Услышал бы кто – покачал головой: повредился умом парень, что тут еще скажешь. Но рыдающая Галатея так не думала – она просто затихла, уткнувшись в его плечо.

Художнику-портретисту едва хватало средств, чтобы снять квартиру, – родительский домик на побережье он продал, чтобы приобрести нужный аппарат для Насти. И каким только чудом он успевал написать за день столько картин под заказ? Теперь на его полотнах были и беззубые улыбки малышей, и загорелые профили их принаряженных мам, порой встречались и девушки – юные, загадочные и изменчивые. Прохожие нередко, бросая мимолетный взгляд на изображения на холсте, восхищались вслух. Но только не сам художник. Они ведь ни капли не были похожи на его Мечту. Он все поглядывал на свою спутницу, сидевшую в кресле на берегу: худенькую, измученную, неизменно улыбающуюся в ответ тонкими, бескровными губами. Это была ОНА. И его кисть, не поддаваясь движениям рук, стала воссоздавать по-прежнему выразительные черты.

– Теперь я не такая, – прочел Алексей по губам.

Он один умел разбирать ее слова.

– Для меня ты всегда будешь такой. Так выглядит твоя душа, правда?

– Моя душа черна...

– А разве ее не коснулся свет?

Света вокруг было предостаточно. Море горело, как бескрайний костер, перекатывая невысокие волны. А Насте ка-

залось, что это стоящий у мольберта художник излучает свет.

В храме венчалась необычная пара. Невеста хоть и не поднималась с инвалидной коляски, но выглядела очень привлекательно. Если бы кто и знал – то ни за что бы не поверил, что свадебное платье ей сшил мужчина. Воздушные кружева были бережно расшиты крошечными перламутровыми жемчужинками – не отличишь от настоящих, они чудно мерцали в отблесках мягкого сияния свечей. Плавные складки фаты причудливо спадали на плечи вместе со старательно завитыми локонами. На коленях лежали герберы. Только совсем не похожие на огни прошлого, эти цветы были белые, словно морская пена. Посвежевшее личико украшала затаенная улыбка. Взволнованный Леша в светло-сером костюме стоял рядом. Над молодыми простирался высокий свод: милостиво подняв благословляющую десницу, проникновенно смотрел на них величественный Господь Вседержитель.

Да любите друг друга (Ин. 13, 34), – прочитала в Его раскрытом Евангелии невеста; ее речь уже стала достаточно четкой.

– Ты часто бываешь здесь?

– Да. Как ты догадалась?

– Не знаю. Просто почувствовала. Ты пришел ко мне в больницу, потому что верующий?

– Тогда я еще не ходил в церковь. Можно сказать, это ты

привела меня сюда.

– Как это?

– Я понял, что источник жизни – это любовь. А совершенная любовь где? У Бога, у Христа Спасителя.

Настя смотрела на него так, как никогда не смотрела ни на любимого ею раньше Константина, ни на кого другого. Странно, но вовсе не благодарность говорила в ней. Она видела перед собой красивого молодого мужчину, и было в его лице что-то такое, что делало его живым, не похожим на остальных. Ей казалось, он должен знать все.

– Я выздоровею? – тихо спросила она.

– Конечно, глупенькая. Ты знаешь, что твое имя в переводе с греческого значит «воскресение»?

Пускай девушка все еще не могла подняться на ноги, но она обрела какое-то умиротворение и легкость – душа ее действительно была воскресшая.

Так Алексей разгадал тайну. И удивился, до чего ошибочными и нелепыми были догадки о ней знакомых. Это вовсе не наивная безответная влюбленность, нет! Имя у тайны, как и у Анастасии, греческое. Агапэ. Любовь-жертва, любовь-страдание, любовь-воскресение.

– Господи, славою и честью венчай их! – возгласил священник.

Сон

Слишком много в мире людей, которым никто не помог пробудиться.

Антуан де Сент-Экзюпери

Тихий вечер. Кружева занавесок не шелохнутся, заслоняя своей белизной сумрачную синеву, плотно прильнувшую к стеклам. В маленькой кухоньке тепло и уютно, стол накрыт льняной скатертью, а на стенах красуются небольшие резные картины. Приятно смотреть, как из гладкой древесины выступает плетеная корзина, щедро наполненная крупными яблоками, своим изяществом завораживает скромный букетик полевых цветов в простой глиняной вазе, возле которой будто бы случайно оказалась одинокая веточка рябины.

Но больше всего привлекает внимание прекрасный образ Богородицы, вырезанный на ароматной поверхности ли-

повой доски. Удивительная икона. Это – Валаамская. Царица Небесная в строгом облачении стоит на облаке, таинственно опустив очи. Она нежно прижимает к Себе Предвечного Младенца Вседержителя – в левой руке Его держава, увенчанная крестом, а правая поднята для благословения каждого, с верой молящегося перед этим образом. Ставя на стол старинное, еще бабушкино расписное блюдо с румяным вишневым пирогом, Нина посмотрела на лик Богоматери. Ее сын Кирилл с детства увлекается резьбой по дереву: сколько пейзажей, натюрмортов, этюдов, от самых простеньких, полудетских до выразительных, замысловатых, вышло из-под его резца – уже не счесть, но икону он вырезал впервые – в подарок матери. Нина решила повесить ее именно здесь, на кухне, чтобы и во время повседневной работы не забывать о молитве. Вот и сейчас она тихонько молилась и пекла пирог, надеясь, что сегодня сынок все-таки уговорит свою невесту Оленьку зайти к ним на чай. И почему же она такая застенчивая?

Вытерев испачканные мукой руки и присев у стола, Нина задумалась о будущей невестке. «Скромная, отзывчивая... Ее белокурые волосы и немного бледное личико с большими карими глазами как нельзя лучше дополняли такой нынче редкий образ “тургеневской девушки”. Слава Богу, что именно она понравилась моему сыну! С тех пор, как Кирилл познакомился с ней, он, кажется, стал более спокойным, общительным. Наверное, нашел “своего” человека».

Характер у Кирилла был сложный. Искренний и доброжелательный, он был иногда резковатым, искал ответы на жизненные вопросы, доверяя лишь своему собственному представлению о справедливости. Может быть, это говорит в нем пресловутый юношеский максимализм, а может, и наследственность. «Весь в мужа, в Бориса, – часто думала Нина, глядя на сына. – И такой же высокий, зеленоглазый, с четкими, правильными чертами лица, яркой, открытой улыбкой. Вот только волосы мои – цвета переспелого каштана. И так же, как я, любит искусство».

Благодаря этому увлечению они и познакомились с Олей – на художественной выставке во дворце культуры она подошла к нему сказать несколько слов о его работах. И так очаровала Кирилла эта восхищенная девушка, что он до конца вечера не расставался с ней. Ольга окончила художественную школу и теперь часто готовит для него оригинальные чертежи. Даже профессию влюбленные выбрали одинаковую – учатся на художественно-графическом факультете местного университета.

Думая о сыне, Нина коротала минуты ожидания. Давно уже она заботилась только о нем. Она и в церковь зашла впервые, чтобы помолиться не о себе, а о маленьком Кирюше, когда муж погиб на стройке и она осталась одна с малышом на руках. Вошла и почувствовала себя дома. В минуту невозможной утраты ни с чем не могла она перепутать этого внезапно нахлынувшего ощущения семейного тепла и

умиротворения.

В несмелых лучах чуть поднявшегося над землей утреннего солнышка встретил ее удивительный взгляд: мягкий, сострадающий, отеческий, исполненный такого понимания и доброты, что на глазах выступили слезы. Но это были не свинцовые капли отчаяния, а какие-то светлые, чистые, благотворные слезы, несущие в душу целительную тишину. Легкая завеса перед глазами не помешала Нине увидеть – это Христос. А рядом с Ним – Пресвятая Богородица, с безграничной материнской любовью простирающая над всеми Свой Покров.

Неяркое свечение лампад оттеняло прекрасные лики святых, безмолвно свидетельствующих о милости, утешении, победе над грехом, над смертью, о жизни вечной. Еще не читавшая Святого Писания Нина всей душой ощутила немеркнущую истину евангельских строк: *Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства* (Евр. 12, 22–23). И с этого дня Нина больше никогда не покидала своей новообретенной семьи. Уже много лет она чистит подсвечник в храме Преображения.

Нина была фельдшером, ее телефон не разбирал времени – звонил и в выходные, и поздними вечерами. Часто при-

ходилось волноваться, оставляя спящего Кириюшку на соседку, но, перекрестив сыночка, женщина все же спешила помогать людям. Сыну она старалась не показывать своих переживаний, вообще у нее был своеобразный взгляд на воспитание: с детских лет она не особо ограничивала его свободу, преимущественно помогая лишь советом, чтобы, несмотря на отсутствие отца, он рос рассудительным, самостоятельным и уверенным, чтобы Борис не беспокоился о них там, в другом мире.

«Мой любимый стойкий оловянный солдатик», – шуточно называл ее муж. И это было правдой – невеста без колебаний уехала с ним в чужой, далекий городок, где после института он получил должность инженера, никогда не жаловалась на трудности и даже после трагедии решила остаться с сыном здесь, в городе их короткого, но такого настоящего счастья. Кто же знал, что стремление Бори поскорее уйти со студенческой скамьи на свой хлеб так быстро оборвет нить его жизни... А жена больше никогда не встречала человека, который бы стал ей таким родным, таким близким, как Борис. И память о нем всегда делала ее сильнее.

Нина частенько видела девушку сына на службе, а вот Кирилл заходил в церковь изредка. «Его душа еще спит», – думалось матери. Сейчас она даже не догадывалась, как близки к истине эти слова.

«Но где же они?» Нина с беспокойством поглядывала в окно. Никого. Занавески шелестят. Только темнота подкра-

дывается к фонарям и их фосфорическому свету.

Кирилл медленно шел по проспекту. Городок утопал в сумерках, и дыхание уходящего лета витало в воздухе. В нем переплелись пряный запах отцветающих клумб, слегка тронутые тлением листья берез и каштанов, жар раскалившихся за день дорог. Вот уже близко знакомая липовая аллея; старые деревья, наверное помнящие еще его счастливых родителей, кажутся такими понимающими. За их потемневшей зеленью одно за другим вспыхивают окна родной двухэтажки. Во дворе все еще играли дети – шум проезжающих автомобилей, приглушенный говор и монотонный стук каблучков по асфальту пронизывали громкие возгласы. Только домой почему-то не хотелось. Он шел, низко опустив голову, и внешний мир отступал перед мыслями, чувствами, желаниями.

«Но я же так любил Олю! – раздраженно звучало внутри. – Любил? Или люблю? Что же, в конце концов, со мной происходит!» Ему так ясно представился пристальный взгляд темных глаз, послышался негромкий голос, что он на миг остановился. «Она всегда без труда догадывалась, какой смысл я хочу вложить в очередную картину, и мне все время казалось, что это не она приготовила чертеж для резьбы, а я сам. Да, в Ольге есть что-то таинственное. Даже когда она беззаботно смеется вместе со мной, ест мороженое в кинотеатре, весело рассуждает о новом фильме, на ее лице иногда про-

скальзывает такое задумчивое выражение, что хочется смотреть на нее бесконечно. И провожая ее, я лишь слегка обнимаю ее узкие плечи, робея перед ее чистотой. А может, всему причиной ее излишняя застенчивость, старомодность, которую я слишком идеализирую?» – неожиданно возник вопрос.

И снова перед глазами возникла сегодняшняя встреча. Встреча, приведшая к растерянности и болезненным сомнениям. Он говорил с Дианой Зиминной, дочерью Петра Вячеславовича Зимина, известного в округе директора сети продуктовых магазинов. В последнее время она частенько приезжала в родной городок из столицы, где училась на юрфаке. Девушка постоянно появлялась в местном ресторанчике; Кирилл нередко собирался там с друзьями, иногда даже танцевал с ней, правда по ее инициативе, вместе вспоминали о школьных мечтах, планах на будущее, он рассказывал о желании вынести свои работы на суд ведущих специалистов. Несмотря на свой вид, она оказалась не такой уж плохой собеседницей.

Поговаривают, что зовут ее Дашей, а вовсе не Дианой, просто в юности девчонка стала так называть себя сама. Кирилла никогда не интересовали слухи, тем более что это изысканное имя так подходило к ее образу, раскованному поведению. «Она словно из другой жизни – такая интересная, современная», – слышались рядом завистливые голоса.

Вот и сегодня Диана не изменила своей оригинальности:

на бешеной скорости промчалась мимо Кирилла и, неожиданно сдав назад, резко остановила машину. Верх легкого спортивного автомобиля был откинут, лицо девушки полыхало от встречного ветра. Пышные и гладкие, будто глянцевые, густые завитки рассыпались по плечам, крохотное коралловое сердечко зацепилось за воротник короткой футболки.

– Ай-ай-ай, разве можно так гонять? Смотри, машина в ракету превратится! – пошутил Кирилл.

– Не бойся, малой! – насмешливо ответила девушка.

И чуть подняв свои неестественно длинные наращенные ресницы, из-за которых невозможно толком рассмотреть ее глаза, сказала:

– Садись, подвезу.

– Спасибо, не стоит, – равнодушно отозвался парень.

– Дорогой, садись быстрее и слушай меня, – она резким движением открыла дверцу. – Я не хотела тебя обидеть. Просто надо поговорить.

– О чем? – заинтригованный Кирилл сел в машину.

– Знаешь, я завтра уезжаю. Скоро ведь на учебу пора.

– Разве это плохо? Тебе будет не так скучно, как здесь, у нас.

– Да уж... – криво улыбнулась Диана, но тут же изменила выражение лица. – Хотя богемная жизнь уже не кажется мне такой классной, как раньше.

– Почему? – удивился спутник.

– Мне кажется, здесь я оставляю часть себя.

Эта сентиментальная фраза немного странно прозвучала из ее уст.

– А точнее, оставляю тебя! – добавила она уже не так серьезно. – Я хочу, чтобы ты поехал со мной.

– Но как? – других слов у Кирилла не нашлось. Он промычал что-то невразумительное, с недоумением уставившись на Диану.

– Я люблю тебя! – прямолинейно выпалила девушка. – Ты, наверное, уже заметил это. Только не вздумай отрицать! – на мгновение отпустив руль, она предупредительно подняла руку.

Но Кирилл и не думал возражать, он просто никак не мог прийти в себя. Диана, эта роскошная, высокомерная, слегка подсмеивающаяся над всеми красавица, влюблена в него? Не в успешного молодого предпринимателя или актера, а в обычного парня? Нет, это больше похоже на сон. Это сон! Счастливый сон.

– Чего ты так уставился на меня? – расхохоталась Диана. – Ну ладно, ладно, не переживай, – снисходительно похлопала его по плечу. – Совсем огорошила я тебя своими новостями. Понимаешь, – вкрадчиво продолжала она, – ты удивительный, не такой, как все, талантливый! Кстати, я уже заказала зал для выставки твоих работ. Их должны увидеть все мои знакомые! И вуз ты сможешь подобрать другой, более перспективный. Я лишь помогу тебе адаптироваться, а дальше

ты всего добьешься сам. Уверена, что у тебя все получится! Хочу всегда быть рядом с тобой! Разве можно отказать такой невесте, как я? – шутливо улыбнулась искуссительница и провела по его щеке своим длинным ногтем.

У Кирилла кружилась голова. Заметив, что машина остановилась на перекрестке недалеко от его дома, он вышел вопреки правилам дорожного движения, подбирая в уме наиболее мягкие слова для отказа. Но так ли уж хотелось ему отказываться? А Диана, взглянув на него, спокойно заявила:

– Ну, иди-иди, завтра с утра я заеду за тобой. Сначала поедем в область, к моим родителям. Добро пожаловать в новую жизнь! – ударив ладонями по рулю, она снова засмеялась. – И не удивляйся, папочка давно говорит, что я немного сумасшедшая.

Внезапно нажав на газ, она умчалась прочь, оставив за собой густое облако пыли. Вот так эксцентричность! Разве можно сравнить ее с таинственной застенчивостью Оли? Ольга! Ведь они собирались сегодня вечером встретиться у подъезда и зайти попить чайку с его мамой. Он взглянул на часы. «Без десяти девять. Опоздал почти на час! Сказать, что задержался на работе? Нет, напротив. Да и смогу ли я теперь спокойно сидеть за столом, смотреть им в глаза, улыбаться? Что-то во мне все-таки изменилось. Наверное, она уже не ждет меня, – пронеслась успокоительная догадка. – А если ждет? Что сказать?»

Мысли прервались. От темных очертаний лип отделилась

тоненькая фигурка. Свет пробивался сквозь ветви, создавая причудливое панно на густых, соединенных широкой заколкой волосах. Легкое платье развевалось от быстрого движения. Нет, ее нельзя не узнать! Она стремительно шла ему навстречу. Еще минута – и ее нежные руки коснутся его плеч. Кирилл невольно сделал шаг назад. Ольга остановилась. В ее глазах отразилось недоумение.

– У тебя что-то случилось? – спросила она, не поздоровавшись.

– Нет... В общем-то, да.

Не лучше ли сказать сразу все? Тогда не будет недомолвок и догадок, недоразумений, долгих и мучительных объяснений. Больно рвется нить. Больно. Но быстро. А как иначе? Это по-мужски.

– Что именно?

Ольга взволнованно смотрела на любимого, словно стараясь понять причину раньше, чем он назовет ее.

Душу пронизывало щемящее сожаление, но он уже не мог остановиться, словно кто-то невидимый упорно толкал его говорить дальше.

– Олечка, я вот сегодня, пока шел домой, пытался разобраться в себе. Прости, но мне в последнее время кажется, что мы не очень подходим друг другу, – он умолк, стараясь проглотить ставший в горле ком. – Я благодарен судьбе за каждую минуту, проведенную рядом с тобой. Ты красивая, загадочная, романтичная. Но я-то другой. Ты не будешь со

мною счастлива.

Обычно бледноватое лицо Оли вдруг вспыхнуло ярким румянцем. Девушка пристально посмотрела на него и опустила ресницы.

– А какой же ты? – тихо сказала она.

В ее голосе было столько горечи и еще чего-то, отдаленно напоминающего неумолимое провидение, что Кирилл даже бросило в дрожь. Неужели она все поняла, вот так, мгновенно, не зная подробностей?

– Я обыкновенный, – растерянно проговорил он. – Мы теперь не сможем часто видеться, я уезжаю. Хочу попробовать начать новую жизнь.

Новую жизнь... Слова какие-то скользкие, заезженные. С каких это пор я стал цитировать Диану?

– С Дианой? – словно в ответ на его мысли прозвучало рядом.

– Откуда ты зна... – Кирилл осекся.

– Я наблюдала за вами, когда вы танцевали вместе. Ты так увлеченно разговаривал с ней, я сразу заметила твою симпатию. Вот только она...

– Что?

– Да нет, ничего, – ее губы дрожали. – Но разве можно так легко разлюбить, за один вечер? – в этих словах слышались боль, негодование человека, который, потеряв последнюю надежду, все еще, по инерции, продолжает верить в невозможное.

В воздухе повисло молчание.

– Ненавидишь меня? – наконец сказал Кирилл.

– Нет. *Любовь... не ищет своего* (1 Кор. 13, 4–5), – с грустью ответила Ольга. – Прощай.

Она уходила по темной аллее, и долго еще сквозь плотное переплетение ветвей просвечивал ее изящный силуэт.

Расстроенный Кирилл неохотно поднимался по лестнице. Теперь еще предстоит объяснение с матерью.

Нина поспешила навстречу, лишь услышав звук открывающейся двери.

– Почему так поздно, Кирилл? А где Оленька? – затревожилась она, заметив подавленное настроение сына.

– Мы не смогли сегодня зайти к тебе. Прошу, никаких вопросов, все завтра! – он недовольно поморщился. – Я очень устал, голова просто раскалывается.

– Иди хоть поужинай, сейчас я заварю мяты, все как рукой снимет, – заботливо сказала мать.

– Я не хочу есть. Пожалуйста, не беспокой меня! – заявил Кирилл, плотно закрывая дверь своей комнаты.

Он еще никогда не был так резок с матерью. Нина недоумевала. Постояв минуту перед закрытой дверью, она вернулась на кухню.

«Наверное, у Кирюши какие-то неприятности на работе...» Нина растерянно опустилась на стул перед утратившим свой соблазнительный аромат пирогом.

Утро выдалось влажное и неприветливое. Грязные тучи

проплывали так низко, что, казалось, вот-вот запутаются в пышных кронах деревьев. Нина набросила теплую шаль, которая не спасала от пронизывающего холода. Она вышла на порог вслед за сыном, спешащим навстречу упорно сигнализирующему спортивному автомобилю. Ей до сих пор не верилось, что услышанное несколько минут назад от Кирилла – реальность, что он не изменит своего решения.

– Ты хорошо подумал, сынок? – спросила она с надеждой.

– Естественно, мам! – Кирилл хотел казаться уверенным и беззаботным, но мать не могла ошибиться – тревога все больше проступала на его лице. Может, потому он так и спешил, словно бежал сам от себя.

– Не скучай, я буду часто приезжать к тебе, – крепко обняв мать, он пошел, не оглядываясь.

– Храни тебя Господь!

Нина перекрестила его вслед. Обернувшись, она заметила за деревьями тень. Худенькая девушка в синем плаще. Оленька! Надо бы подойти к ней. Ольга быстро скрылась за поворотом, как будто растаяла. И Нина вдруг отчетливо почувствовала ее боль. Острую, отнимающую всякое желание кого-либо видеть.

Кирилл с размаха бросил дорожную сумку на заднее сиденье, а сам устроился впереди. Диана поздоровалась с ним мимолетным поцелуем.

Еще раз пронзительно посигналив, машина помчалась, как всегда, игнорируя любые ограничения скорости. Парень

откровенно любовался своей спутницей. Немного растрепанная, в светлых джинсах и френче, она, казалось, сошла с телеэкрана. Он попытался заговорить с ней, но перекричать оглушительную музыку в салоне было невозможно. Смирившись с этим, он откинулся на спинку сиденья. В лицо дул резкий прохладный ветер, насыщенный запахом недавно скошенной придорожной травы.

Они подъезжали к одноэтажному и необычайно высокому дому с красной черепицей и острым, напоминающим средневековые крепости шпилем. Заметив знакомую машину, охрана услужливо открыла ворота. Притормозив, Диана выключила приемник.

– Ну что, пойдём, зятек? – ободряюще улыбнулась она. – Наверное, в честь знакомства родители потащат нас в ресторан. Так что готовься.

Гость окинул взглядом дом, окруженный роскошными клумбами, на которых под искристыми каплями, льющимися из ладоней изысканных статуй-фонтанов, толпились разнообразные цветы – он не знал их названий. Узкие белоснежные тропинки ленточками вплетались в пестрый цветочный ковер. Какая красота! Но радости он почему-то не ощущал, наоборот, чувствовал себя так скверно, словно переступал через свои принципы.

«Но, с другой стороны... это же просто дом ее родителей, – успокаивал он себя. – Я ведь не собираюсь здесь жить. Мы договорились с Дианой, что я попробую открыть свое де-

ло – ну, например, магазин изделий ручной работы, со временем сниму хорошую квартиру, и мы начнем самостоятельную жизнь».

Кованая дверь открылась. По мраморной лестнице к ним спускался невысокий пожилой мужчина в классическом костюме кремового цвета. Длинное смуглое лицо с острым взглядом из-под седых бровей отдаленно напоминало Диану. Это был ее отец, Петр Зимин.

– Здравствуйте, – сказал он холодно. – Диана, может, представишь мне своего спутника?

– Папа, это Кирилл, – девушка игриво взяла парня под руку. – Мой парень.

Зимин изменился в лице.

– Из Н-ска?

– Да, с нашей родины... – начала было Диана, но отец грубо перебил ее.

– Я же тебе говорил, что твой план глупый и бредовый!

«О чем вы? Какой план?» Кирилл не успел спросить об этом.

– Но ведь все ради тебя, папочка. – скороговоркой защищалась Диана. – Мне показалось, что ты уже почти согласился.

Отец был неумолим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.